

ОТ ИМЕНИ МАТЕРЕЙ

Имя народной артистки УССР Клавдии Васильевны Волковой хорошо знают любители сцены. И не только в Севастополе, где она живет и играет. 60 лет отдала она любимому делу. Сегодня о большой актерской судьбе с ней беседует кандидат филологических наук, театровед Ирина Николаевна Давыдова.

— Не сосчитать, сколько лет мы знакомы — где-то уж к 30-ти подбирается. И вы неизменно добры, молоды. Если вспомнить слова известной песни «Мои года — мое богатство», смело можно сказать, что они имеют к вам самое непосредственное отношение. Прошу вас рассказать о том, как пришел в вашу жизнь театр, о том, какой новый мир открылся перед вами и вашими ровесниками после победы Октября.

— Многолетняя семья Волковых, приехавших из деревни в город Шум, и помышлять не могла о том, чтобы всем детям — а их было восемь — дать образование. Все с детства овладевали одной профессией — рабочей. Очевидно, от отца, работника мануфактурной фабрики, прятавшего забастовщиков на сеновале, вывозившего листовки в ящиках с мороженым, унаследовали дети любовь к труду, к справедливости. Старшая из нас, Евдокия, партийный стаж которой начался в дни революции, научила видеть прекрасное и ценить его в людях. Она-то и открыла во мне актрису. В сарае, который летом освободился от скота, мы устраивали сцену, ставили декорации и играли спектакли.

После 1917 года распахнулись перед рабочими двери особняков фабрикантов и помещиков. Появились молодежные клубы. Я пела, солировала в хоре, лихо работала на трапезиях. В семье понимали, что я не такая, как все, что со мной надо что-то делать. Отвезла меня Евдокия в Иваново, где она училась в партийной школе. Так в 15 лет оказалась я в студии Пролеткульта.

— Каким был зритель тех лет, новый рабочий зритель?

— Любопытнейшим и до безграничности добрым. Мне приходилось играть и девочку Суок в «Трех толстяках» Ю. Олеши, и старую большевичку Клару из «Страх» А. Афиногенова, и Кручинину в пьесе А. Островского «Без вины виноватые». Зритель прощал мою неопытность, ценил горячее желание быть правдивой.

В одном спектакле, название которого я запомнила, моей героиней была женщина, несправедливо обиженная мужем. Помню, как однажды во время представления на сцену ворвались женщины в красных косынках. Меня они успокаивали, а на артиста, который играл мужа, набросились с выговорами.

Потом меня, актрису, назвали почетной ткачихой. В общей сложности в городе ткачей проработала я 13 лет.

— Знаю, дальше был старейший театр им. Ф. Волкова в Ярославле...

— Это были 30-е годы... Годы знаменитой Челюскинской эпопеи, выдающихся полетов Чкалова за океан. Годы легендарных боев в Испании, на озере Хасан, на Халхин-Голе...

В Ярославском театре произошла у меня встреча с Александрой Чудиновой. Актриса А. Чудинова передала мне роль Любови Яровой, будто завешая рассказать о женщине, прозрение которой определили революция, борьба за народное счастье. С этого и началась для меня дорогая и близкая героическая тема, которой служу я всю жизнь...

— Слушаю вас и думаю, что

это повесть о рождении Великим Октябрем личности художника. Но не будем забегать вперед. Мы подошли еще к одному важному рубежу. Впереди была война...

— В годы войны я вступила в ряды Коммунистической партии. Я должна была, обязана была занять место погибшего мужа, который ушел на фронт добровольцем. Рвалась и я на передовую — не пустили. Но я не успокаивалась. Закончила курсы первой медицинской помощи, организовала в театре сандрюжину. Был у меня «свой» госпиталь. Меня тут знали не только как актрису. Я и медсестра, и нянечка, и уборщица, и доищица... Все это пригодилось, когда оказалась, наконец, во фронтовой актерской бригаде.

Через Москву на полудорожках выехали мы на передовую под Вязьмой. Были концерты, были ночи без сна под бомбежками. Мне и моим товарищам в политотделе фронта говорили: «Вы и актеры, вы и бойцы». Часто это случалось в буквальном смысле слова. Каждый день по 9—11 концертов, всего, если сосчитать, более трех тысяч. Да, мы были бойцами. Горжусь тем, что когда враг подобрался к Москве и началась эвакуация в Ярославле, райком партии предложил мне остаться на подпольной работе. Это было новым признанием актера бойцом.

— В сентябре прошлого года вы с театром гастролировали в Киеве. Очевидно, вас лично это не могло не взволновать. Ведь первые послевоенные годы вы работали в Киевском театре им. Леси Украинки...

— Когда мы приехали после войны в Киев, встретился нам актер из Ярославля и познакомил с Константином Павловичем Хохловым, художественным руководителем театра им. Леси Украинки. А у того на выпуске «Доходное место» А. Островского. Он предложил мне для пробы роль Полины. Прошу у него Кукушкину. А он свое: Полина. Когда все же сыграла Кукушкину, он, будто признав себя побежденным, сказал: «Хорошо». Дорога мне была эта скупая похвала большого режиссера. Работала у него, и мне казалось, будто в институт попал, которого не заканчивала.

— С чего же началась главная тема вашего творчества — тема матери?

— Вот вы спросили, и я сразу вспомнила свою петрищевскую старуху из спектакля о Зое Космодемьянской — «Сказка о правде» М. Алигер. Моя безымянная старуха сначала молчала, когда фашисты издевались над комсомолкой, а потом, набирая силы, — немого стало молчать! — крикнула: «Кого, ироды, вешаете?!» Потом были слезы и проклятия, а на смену им вновь пришло молчание. Но на этот раз оно было страшным, скорбным, исполненным бунтующей ненависти. Именно тут, думаю, мною был сделан первый шаг на пути овладения темой материнства в широком ее понимании.

Образ Васильевны («Совесть» О. Берггольц) стал продолжением биографии старухи из Петрищево. К ним присоединилась далеко не молодая крестьянка из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. За плечами у нее котомка: пройдено немало километров. Уста-

лая, она не перестает искать сына. И находит; но лишь на краткий миг. Под звуки оркестра уходит революционный полк, уходит сын. И вот тут я решилась упрямить режиссера разрешить мне сказать лишь одно слово, которого нет у автора: «Сынок!» До сих пор помню шквал аплодисментов в этом месте. Не мне — матери, провожающей сына на справедливый бой, аплодировали зрители.

— Видела я вас на сцене театра им. А. В. Луначарского в Севастополе во многих классических ролях. Но более всего — не боюсь этого слова — вы потрясали, когда ставили и сами же отвечали на вопрос: что может Женщина-Мать. И говорили вы не только от имени русских матерей.

— Любила я свою Филумину Моргурано. Близка мне была итальянка, вступившая в яростную борьбу за счастье своих детей, за свое человеческое достоинство. Кровою сердца говорила моя польская мать Францишка в пьесе писателя-антифашиста Т. Голуя. Она не прошла сыну трусости, предательства. Эта простая рабочая женщина в моем понимании как бы вбирала в себя судьбы тысяч и тысяч матерей, которых война обездолила. В сложных обстоятельствах жила моя Зинаида Глушкова («Куст рябины» С. Алешиной). После долгих лет разлуки она, уже старуха, находит сына за океаном. Едет к нему. Здесь из родного дома получает посылку — буханку хлеба и пластинку с песней о кусте рябины. Ее охватывает тоска по земле, которую не ходила, с которой выросла, тоска по людям, которым по профессии акушерки дала жизнь. Это и объясняет, почему моя героиня, несмотря на любовь к сыну, не могла не вернуться на родину.

— Клавдия Васильевна, что означает для вас понятие «современный актер»?

— Прежде всего, по моему глубокому убеждению, актер должен быть гражданином, знать радости и боли своего времени, знать, во имя чего выходит на сцену. Меня беспокоит то, что в последнее время театры наши уже очень любят показывать людей нестойких, запутавшихся в жизненных противоречиях, трудно ищущих свое место в жизни. Конечно, есть такие. Но не слишком ли мы увлекаемся? Ведь этим далеко не исчерпывается наша жизнь. Я — за героя активного, за характер ярко выраженной определенности.

— Как же тогда понимать мать из «Порога» А. Дударева? Это мать алкоголика, человека почти потерянного.

— Не сразу полюбила я эту женщину. Мне казалось главное в ней — возмущение богом, неизвестно за какие грехи покарвавшего ее сына. Но как-то не сходились концы с концами. В войну она партизанка, постоянно дарящая людям добро. И вот такой финал жизни. Но постепенно родилась огромная важность проблемы — о долге матери растить граждански полноценного человека. Старалась играть так, чтобы зритель услышал душевный крик мой и моей героини: не отрывайтесь, люди, от матери, от забот матери-Родины!

Была в моей сценической жизни уже такая роль. Имею в виду старуху из пьесы А. Макаенка «Святая простота». Возможно, она и не завершена до конца, но очень дорога мне. Поначалу моя старуха — только заботливая мать. Не видит дальше своего порога. Когда же посылает старика навести порядок в мире, защитить всех детей, прекратить войны и грабежи, то она выступает уже от имени всех матерей. Это мне и нравится в ней. Невозможно спрятаться от жизни, переждать, пересидеть, не сказать, с кем ты. Всегда помню об этом, когда выхожу на сцену.

7 ОКТ 1986
Ирина Николаевна Давыдова
Симферополь